

В голосе Лю Цзяжэня явно звучала злоба. Жун И уже много лет назад узнал, насколько тот мастер переключать вину, и теперь был совершенно непробиваем:

— Не надо на всех навешивать свои дерьмовые ярлыки, сам же воняешь. Убери своё дерьмо, или сам его съешь.

Несмотря на свой величественный и внушительный образ, Жун И, когда злился, мог быть крайне грубым, используя самые грязные выражения, а в драке применял самые подлые приёмы, лишь бы добиться цели. Когда-то Лю Цзяжэнь увидел эту сторону Жун И, и это не оттолкнуло его, а наоборот, только усилило желание заполучить его.

Но, конечно, он никогда не говорил об этом Жун И, и тот оставался в неведении. Даже если бы он знал, это не заставило бы его изменить своё поведение. Жун И был настолько предан идее «оставаться собой», что это граничило с аскетизмом, и никакие извращения не могли его поколебать.

Но извращения остаются извращениями, и в них есть что-то, что вызывает восхищение. Для Лю Цзяжэня Жун И стал важным, незаменимым колесом в его жизни. Услышав грубые слова Жун И, он не отступил, а лишь улыбнулся ещё шире, его глубокие глаза сузились, и в них загорелся неприкрытый голод.

— Я вижу, ты к Цюй Хайяо относишься с особым вниманием? Ничего, не торопись, если Цюй Хайяо стал первым, то после него будут и другие. Маленький Жун И, совсем маленький Жун И... Сколько таких, как ты, есть на свете, всех я уничтожу.

Жун И усмехнулся, словно услышал шутку.

— И что? Ты меня пугаешь? Я даже свою жизнь не боюсь, чтобы какой-то урод приставал, а ты угрожаешь мне чужими жизнями? Ты в своём уме?

Он смотрел на Лю Цзяжэня, как на клоуна, затем слегка наклонился, прислонившись к двери комнаты:

— И если даже меня ты не смог уничтожить, кого ты вообще можешь уничтожить? Золото всегда будет сиять, а дерьмо съедают собаки.

Лю Цзяжэнь совсем не смутило, что его назвали собакой, поедающей дерьмо. Он поднял бровь:

— Так ты золото?

— Конечно. А то что, дерьмо?

— А тот, внутри, тоже?

Он кивнул в сторону комнаты, и его намёк был очевиден. Жун И парировал:

— Золото или нет, не знаю, но точно не дерьмо, раз его собаки не съели.

Лю Цзяжэнь фыркнул.

— Ну, посмотрим, засияет ли он.

В ответ Жун И лишь высокомерно поднял подбородок.

Проснувшись, Цюй Хайяо уставился в потолок, пробыв в состоянии полной пустоты как минимум три минуты. Воспоминания о вчерашнем дне медленно всплывали в его голове. Он вспомнил, как покинул туалет. Кажется, Жун И позвонил его ассистенту Цзя Цзюню, чтобы тот забрал его. Жун И даже организовал их выход через потайную дверь, предупредив, чтобы их никто не сфотографировал.

Цюй Хайяо оцепенел, и первая мысль, которая пришла в его медленно просыпающийся мозг, была: «Почему я тогда не утопился в унитазе?»

Ну, наверное, потому что Жун И смотрел на него.

Цюй Хайяо даже не мог собраться с силами, чтобы удариться головой об стену, он был на грани полного оцепенения. Он думал, что вчерашний вечер, вероятно, стал самым позорным в его жизни. Даже если бы он сейчас выпрыгнул из окна и побежал голым по улице, это не было бы так позорно, как то, что произошло вчера — перед Жун И! Что я вообще говорил четырёхкратному киноимператору! Почему ты не утопил меня в унитазе! Зачем ты оставил меня жить, такое позорище!

Слишком позорно... Может, я ещё успею задушить себя подушкой?

Очевидно, уже нет. Телефон Цюй Хайяо мигал, сигнализируя о новых сообщениях. Он с трудом поднялся, чтобы взять его, и увидел кучу уведомлений и пропущенных звонков от компании. Он уже хотел перезвонить, как вдруг за дверью послышался шум.

Дверь с грохотом распахнулась, и на пороге появился Цзоу Бинь, грозно смотря на него и крича:

— Сколько можно спать! Тебя вызвали в компанию, а ты тут валяешься, думаешь, это спасёт тебя?!

Вчерашнее похмелье и смена часовых поясов сделали своё дело, и крик Цзоу Биня только усилил головную боль Цюй Хайяо. Он с трудом встал с кровати и начал одеваться, не говоря ни слова. Он знал, что ни Цзоу Бинь, ни компания не будут к нему добры. Он окончательно испортил отношения с Лю Цзяжэнем, и теперь ждал его, Цюй Хайяо примерно представлял.

Весь путь Цзоу Бинь не проронил ни слова, его лицо было хмурым. С вчерашнего дня Цюй Хайяо ничего не ел, кроме еды в самолёте, и теперь его желудок был пуст, а голова невероятно ясна.

На самом деле, вчерашний Цюй Хайяо не был полностью без сознания. У пьяных людей мысли обычно отрывочны, что-то слышишь, что-то пропускаешь. Но он всё же многое слышал и помнил. Он помнил, что говорил Жун И, и смутно помнил, как за его спиной голоса Жун И и Лю Цзяжэня переплетались в словесной дуэли. Он помнил, как Лю Цзяжэнь говорил, что уничтожит его карьеру, и как Жун И сказал, что золото всегда будет сиять.

Цюй Хайяо чувствовал себя странно. Он не знал, как описать свои чувства к Жун И. Этот человек был для него недостижимой легендой индустрии, но теперь они оказались связаны таким абсурдным образом. Сказать, что Цюй Хайяо совсем не испытывал обиды и неудовлетворённости, было бы неправдой.

Так или иначе, если бы не Жун И, он бы не оказался в такой неловкой ситуации. Но, несмотря на всю обиду и гнев, которые он испытывал к Жун И на эмоциональном уровне, рационально он понимал, что Жун И тоже ничего не сделал. Они оба были жертвами власти и правил. Если он

сам был невиновен, то что же сделал не так Жун И?

Ненавидеть его было бы несправедливо по отношению к своему разуму; не ненавидеть — несправедливо по отношению к своим чувствам. Обычно беспечный Цюй Хайяо в отношении Жун И, человека, которого он даже не знал, испытывал полную растерянность. Он даже не знал, какие чувства должен испытывать к этому человеку. После того странного вечера он понимал, что должен был бы как-то поблагодарить Жун И, но совсем не хотел этого делать.

Он также не мог понять, действительно ли Жун И относился к нему с особым вниманием, или просто не хотел показаться слабым перед Лю Цзяжэнем. Но для самого Цюй Хайяо фраза «золото всегда будет сиять»... Он взглянул на Цзоу Биня, сидевшего с мрачным лицом, и почувствовал пустоту в груди.

Неужели это испытание, посланное небом? Впереди его ждут тяжёлые времена.

— Ты думаешь, что ты такой крутой, да? А? Ты что, получил награду киноимператора или снялся в сериале с рейтингом выше 3? А?

Ма Цзыфань стучал по столу, его лицо побагровело, и Цюй Хайяо даже испугался, что он сейчас бросит в него пресс-папье или словарь. К счастью, этого не произошло.

— Ты понимаешь, что ты натворил? Обидеть главу «Лэфань», ты совсем с ума сошёл! Я не могу ему перечить, наш босс не может ему перечить! Ты совсем обнаглел! Цзоу Бинь, я тебя послал за ним присмотреть, а ты что, просто сидел без дела? А?

С утра его уже отчитали два человека, и теперь тот, кто кричал на него, сам получал нагоняй. Жизнь стала похожа на скороговорку. Цюй Хайяо страдал от головной боли, его желудок был пуст и холоден, а Ма Цзыфань, видя его сонное состояние, только злился.

Цюй Хайяо даже удивился. Ма Цзыфань не раз применял силу к непослушным артистам, и даже к девушкам. Он уже был обречён на заморозку карьеры, но пока что избежал физического наказания. Неужели это милость богини удачи?

— После съёмок для журнала ты больше не будешь работать, будешь выполнять мелкие поручения в компании, понял? Никто тебя больше не возьмёт, понял?!

Ма Цзыфань снова повысил голос.

— В нашей индустрии важна репутация, кто захочет работать с тем, кто нарушает обещания, бросает спонсоров и плюёт им в лицо! Тебя поднимают, а ты ногами брыкаешься!

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16304/1470638>